

— Но наши беседы вовсе не сводились к простому обмену информацией о прочитанном и впечатлениями. Среди нас был Славик, которого в меньшей степени волновала художественная сторона сочинений. Склад мышления его был преимущественно рациональным, чисто эмоциональное отношение к действительности не было ему свойственно, он считал его неполноценным. Важнее всего для него было понять, почему это так происходит, а не просто радоваться, огорчаться или возмущаться происходящим.

— Склонный к высказыванию и отстаиванию оригинальных, порой шокирующих суждений, Славик как-то (кажется, ещё в экспедиции 1963 года, а, может, год - два спустя) выдвинул тезис, что читать книги, особенно художественную литературу, - вредно, ибо это тормозит развитие самостоятельного мышления, и рьяно защищал его в спорах. Это, правда, не мешало ему самому быть в курсе всех литературных новостей, регулярно читать "Новый мир", но, разумеется, строго избирательно. Он ценил своё время и предпочитал читать только то, что заведомо касалось интересующих его проблем. А они (помимо науки, естественно,) сосредоточивались вокруг вопроса: "Что же такое советский социализм и социализм ли это?"

— "Диктатура партийных чинов", - так определял Славик наш общественный строй ещё в 1963 году, - "а никакая не диктатура пролетариата". Такая крайняя точка зрения вызвала резкие возражения даже у тех, кто остро ощущал недостатки советского строя. Эти возражения базировались, главным образом, на убеждении, что марксистско-ленинская теория развития общества верна, она намечает правильный путь, но мы движемся по этому пути зигзагами, шарахаясь из стороны в сторону, и следствием этих отклонений являются те недостатки, которые многие видят, хотя и по-разному к ним относятся.

— Действительно, исторический материализм и научный коммунизм - обязательные предметы во всех вузах страны - как философские концепции в своей основе выглядели вполне приемлемо, объясняли многое из прошлого и намечали пути в светлое будущее. Лозунговая часть научного коммунизма была и вовсе привлекательной: "От каждого по способностям, каждому по потребностям!" - разве не стоит к этому стремиться? А "От каждого по способностям, каждому по труду!" - разве это несправедливо сейчас, когда на все потребности ещё не производится достаточно средств их удовлетворения?

— Если многие из нас и видели пороки нашего общества, противоречащие официально провозглашавшимся идеалам, то мало кому приходило в голову искать их корни в "вечно живущих идеях Маркса-Энгельса-Ленина" (и Сталина, как ещё недавно считалось), хотя и бытовала в народе уже цитировавшаяся поговорка: "За что боролись, на то и напоролись", которую, конечно, относили к проискам классовых врагов и к несознательности "отдельных элементов". Славик же решил брать быка за рога.

— У Славика была характерная манера высказывать идеи. Начиналось обычно с того, что он задавал вопрос, на который нужно было ответить. Если ответ давался, с точки зрения Славы, неверный, то Слава возражал до тех пор, пока оппонент не признавал свою неправоту. Как и в научных спорах, любимым способом опровержения (неверного утверждения) у Славы было доведение идеи оппонента до логического парадокса. Если же оппонент так и не приходил к нужному ответу, Слава подсказывал его сам и задавал далее новый вопрос, толкая собеседника к движению по уже выстроенной в мозгу Славика логической цепочке. Таким образом, окончательный ответ или сумма ответов не декларировались заранее, а являлись как бы плодом совместных рассуждений Славы и его собеседника.

— По ходу этих рассуждений Слава корректировал и свои мысли, находя новые аргументы, но не сбиваясь с основной линии. В таких беседах с людьми, к которым он хорошо относился и не считал глупцами, Слава не зарывался, не язвил, не демонстрировал своего превосходства, что иногда случалось с ним по отношению к людям, его

раздражавшим, самоуверенно поровшим какую-нибудь чушь.

— Так вот однажды, после очередных научных прений Слава задал следующий вопрос, обращаясь ко всей нашей компании:

— А как вы думаете, не может ли быть такое, что недостатки нашего общества являются следствием не отклонения практики от правильной теории, а следствием дефектов самой теории, за которой следует практика? Во всём ли был прав Маркс?

— Кто его знает, в принципе не исключено, что не во всём. Но в чём именно он был не прав?

— А давайте, попробуем разобраться. Будем считать, что политэкономия, диалектика, истмат и научный коммунизм мы знаем, во всяком случае экзамены у всех сданы. Давайте вспомним узловые моменты теории социализма. Что есть, по Марксу, движущая сила развития общества?

— Классовая борьба, в которой разрешаются противоречия между развитием производительных сил и развитием производственных отношений.

— Так. Согласны вы с этим положением теории? Откуда оно вытекает?

— Вроде согласны. С этой точки зрения разумно объясняется прошлое развитие человечества, смена общественных формаций: от бесклассового первобытно-общинного строя к рабовладельческому, затем феодальный, потом буржуазный, наконец, социализм и снова бесклассовый - коммунизм. Во всяком случае до социализма концы с концами сходятся.

— А в случае социализма что не сходится?

— Много чего. Практика с теорией. Распределение, например, далеко не по труду, а главное - производительность труда ниже, чем в развитых странах "загнивающего" капитализма, и уровень жизни, соответственно, ниже.

— А может быть, это временное явление, социализм ещё не установился окончательно, не все пережитки прошлого изжиты?

— Сколько же ему устанавливаться? Полвека, слава Богу, прошло!

— Ну, для истории это не такой уж большой срок. Хорошо, вернёмся к теории Маркса. В чём же состоит суть классовой борьбы? Что за классы борются?

— Классовое общество делится на две основные группы, различающиеся своим положением и ролью в экономике, то есть в производстве и распределении материальных благ, а с ними и прочих - свободы, например, ну, и всяких духовных ценностей. Например, рабовладельцы и рабы, феодалы и крепостные, буржуазия и пролетариат. Первые имеют средства производства, вторые - нет, но именно они-то всё и производят, а первые загибают себе продукцию, оставляя вторым лишь необходимый прожиточный минимум. Между этими группами, называемыми классами, и ведётся классовая борьба: вторым не нравится их угнетённое положение, и они пытаются его изменить.

— И чем же кончается эта борьба?

— Сменой общественной формации, переходом к новому строю.

— Как это происходит? Вторые поднимаются на восстание, свергают первых и занимают их место?

— Нет, не так.

— А как же?

— Угнетённый класс не способен на большее, чем бунт. Его бунты несут успех не ему и не всегда, а лишь тогда, когда созреют экономические предпосылки: развитие производительных сил обгонит развитие производственных отношений и вступит в противоречие с ним.

— И что же тогда происходит? Кому несут успех бунты угнетённых?

— Некому промежуточному классу, прослойке, носителю новых производственных отношений. Этот новый, поначалу немногочисленный класс руками угнетённых свергает господствующий класс и занимает его место, а потом история повторяется.

Рабовладельческий строй породил в апогее своего развития новый класс - колонов,

который формировался из выходцев как из господствующего, так и угнетённого классов: из бедных свободных, не имевших рабов, но имевших землю и орудия труда, и освободившихся тем или иным образом рабов, приобретших землю и орудия труда. Обработывая свою землю своими орудиями труда, но чужими наёмными руками - руками людей хоть и подневольных, но более свободных, чем рабы, колонны формировали быстро растущий класс феодалов, обеспечивая при своём способе производства более высокую производительность труда, чем в рабовладельческих хозяйствах. Этот новый класс и занял впоследствии господствующее положение в обществе. Аналогично и при феодальном строе в конце его развития носителем новых, прогрессивных производственных отношений явился новый, промежуточный класс - буржуазия, также вышедший из недр обоих основных классов: из обедневших феодалов и освободившихся крепостных. Этот класс занял место феодалов и стал господствующим на плечах крестьянских восстаний.

—- Ну, что ж, вы неплохо усвоили истмат. Так какой же класс, по Марксу, является прогрессивным с точки зрения дальнейшего развития общества, прежде всего производственных отношений в нём: угнетателей или угнетённых?

—- Ни тот, ни другой, а третий, промежуточный, который формируется из двух основных, быстро растёт численно в соответствии с требованиями производства и занимает, наконец, главенствующее место.

—- Прекрасно. Обратимся теперь к капитализму. Вот он достиг вершин своего развития и стал "загнивать". В обществе преобладают два основных класса: угнетатели - буржуазия и угнетённые - пролетариат. А где же третий, промежуточный?

—- Почему вдруг для капитализма Маркс сделал исключение и объявил носителем новых производственных отношений и, следовательно, прогрессивным классом не некий новый, промежуточный класс, родившийся из буржуазии и пролетариата, а один из имевшихся классов, а именно, угнетённый пролетариат с вытекающим отсюда требованием его диктатуры как необходимого условия перехода к новому общественному строю - социализму? Не шла же речь, и не было никогда диктатуры рабов или крепостных при переходе к феодальному строю или к капитализму. Ни рабы, ни крепостные не были прогрессивными классами, а почему же вдруг им стал пролетариат, который ещё во времена луддитов громил машины и сейчас протестует против вытесняющей его автоматизации производства вопреки объективным требованиям научно-технического прогресса?

(продолжение следует)